

БЧ $\frac{3}{60}$

г. — 26 Мая — 1899 г.

Напечатано типографией
Большого русского языка

ПУШКИНЪ,

КАКЪ УЧИТЕЛЬ МОЛОДОГО ПОКОЛЪНИЯ.

Опытъ объясненія учащимъ воспитательного значенія Пушкина,
иллюстрированный произведеніями поэта.

СОСТАВИЛЪ

К. Ф. ПЕТРОВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Р. Глена, Смѣскаго, № 17-

1899.

1799 г. — 26 Мая — 1899 г.

Неподкупный голосъ мой
Былъ звъ русскаго народа.

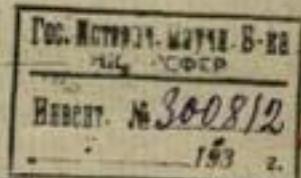
ПУШКИНЪ,

КАКЪ УЧИТЕЛЬ МОЛОДОГО ПОКОЛЪНІЯ.

Опытъ объясненія учащимся воспитательного значенія Пушкина,
иллюстрированныхъ произведеніями поэта.

СОСТАВЛЕНО

К. Ф. ПЕТРОВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Р. Токаревъ, Садовая, № 17.

1899.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 15 Июля 1899 года.

Настоящая брошюра представляетъ рѣчи, прочитанную мною въ Ремесленномъ училишѣ Цесаревича Николая и въ женской гимназіи Е. В. Ставицкой.

Чтобы дать ученикамъ и ученицамъ возможность принимать большее участіе въ Пушкинскомъ торжествѣ, я построилъ свою рѣчь такъ, чтобы мои слова о Пушкинѣ подтверждались его же стихотвореніями, произносимыми учащимися. Полукругомъ около меня расположились они въ числѣ 25, и я тотчасъ, по произнесеніи ими стихотворенія, продолжать рѣчь, такъ что никакихъ остановокъ не было.

Чтеніе такъ удалось и впечатлѣніе отъ него на учащихся было такое сильное и полное, что многіе изъ присутствующихъ на юбилѣ находили, что мнѣ слѣдуетъ напечатать рѣчи, вмѣстѣ съ стихотвореніями, что я и исполняю, прибавивъ къ ней въ выноскахъ тѣ данные, которыя были сказаны мною учащимся во время репетицій. Можеть быть, подобное чтеніе, доставляя большое удовольствіе учащимся, послужить образчикомъ знакомства и съ другими поэтами.

Пушкинъ! Ты въ своихъ созданныхъ
Первый путь самимъ открыть,
Что тянется изъ духа русскаго
Глубины и сѣбѣихъ силъ.

А. Майковъ.

Сегодня минуло 100 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ въ Москвѣ, въ сердцѣ Россіи, взошло Солнце русской словесности, родился А. С. Пушкинъ. Сегодня — первый юбилей главнаго свѣтоточа нашей литературы.

Долго царила тьма какъ въ жизни, такъ и въ поэзіи русской, долго свѣтъ боролся съ тьмою, долго не проходили сумерки въ русской литературѣ.

И, дѣйствительно, «поэзія русская до Пушкина была отголоскомъ, выраженіемъ младенчества русскаго общества. Она гремѣла одами изъ иллюминаціи, писала нѣжныя стишкі къ милюмъ и была совершено счастлива этими невинными занятіями. Блесніе барабановъ, воркованіе голубковъ, поцѣлун настушковъ и настушекъ и сладкія слезы чувствительныхъ душъ прерывались только не менѣе невинными возгласами: «пою» или: «о ты, священна добродѣтель!» Ужасы кладбищъ, старые бабы сказки о мертвцахъ, оборотняхъ, вѣдьмахъ, колдуныахъ и тому подобные ненавидимые пустяки служили въ то время содержаніемъ русской поэзіи. Конечно, много было сдѣлано для языка, для стиха,

кое-что, пожалуй, и для поэзии, по настоящей поэзии до Пушкина не было.

Только съ него начинается русская литература, ибо въ его поэзии бѣтъ пульсъ русской жизни. Дивная поэзія его необыкновена: она передаетъ все— и дѣтскую пѣсню, и сказку, и глубокій анализъ души скучного рыцаря, и беззаботность штички, и чудный образъ русской женщины и вообще русскихъ людей, и горній ангеловъ полетъ, и гадъ морскихъ подводный ходъ, и дольней лозы проаябанье...

Это уже не знакомство Россіи съ Европой, но Европы съ Россіей...

Мы, благодаря гению Пушкина, достигли въ настоящее время того, что не только вся западная Европа сѣдѣтъ ежедневно за нашей литературой, но даже каждое слово одного изъ величайшихъ нашихъ писателей тотчасъ передается телеграфомъ въ Америку.

Вотъ почему называютъ Пушкина Солнцемъ русской словесности: онъ далъ ей светъ, отъ него пошли лучи, проникли всюду и зажгли сердца многихъ славныхъ людей. Явились Гоголь,^{*)} поэтъ смѣха сквозь невидимую міру слезы, Тургеневъ и Гончаровъ, великие художники русской природы и женскихъ типовъ, Достоевскій, проникшій въ своихъ романахъ въ тайника русской души, Л. Толстой—романистъ-философъ, и другіе.

^{*)} Онъ писалъ: „Ничего не предпринимать и безъ его (Пушкина) совета. Ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его передъ собою. Что скажетъ онъ, что замѣтить оѣ, чому посмѣться, чому наречеть иерархическое и вѣчное одобрение свое—вотъ что меня только занимало и одушевляло мои силы“.

Сегодня праздникъ этому Солнцу, сегодня вся Россія, какъ одинъ человѣкъ, поднялась, чтобы торжественно заявить передъ всѣмъ міромъ о русскомъ духовномъ солнцѣ.

Въ сель Михайловскомъ (Псковской губерніи, Опочецкаго уѣзда), гдѣ покоятся прахъ Александра Сергеевича, рядомъ съ прахомъ его матери,—собрались лучшія силы русской земли почтить память усопшаго и отпраздновать столѣтнюю годовщину его рождения. Оттуда и отовсюду, со всей необыкновенной Россіи, понесутся рѣчи и разольются по всей Россіи.

Здѣсь, въ нашей скромной семье, мы тоже собрались, послѣ панихиды, чтобы принести къ всероссійскому торжеству.

Извѣстный критикъ Бѣлинский писалъ: «ни одинъ изъ русскихъ поэтовъ не можетъ быть столько, какъ Пушкинъ, воспитателемъ юношества, образователемъ юного чувства. Чтеніе произведенийъ его должно сильно действовать на воспитаніе, развитіе и образованіе гуманнаго чувства въ человѣкѣ. Поэзія его, какъ и чистая красота, возвышаетъ душу человѣка къ небесному, настраиваетъ его къ благимъ дѣствіямъ и чистымъ помысламъ... Она чужда всего фантастического, мечтательного, ложнаго, призрачно-идеального: она вся проникнута искрой дѣятельностью; она не кладетъ на лицо жизни бѣлья и румянъ, но показываетъ ее въ естественной, нетинной красотѣ».

«Пушкинъ», говорилъ Гоголь: «есть явленіе чрезвычайное и, можетъ быть, единственное явленіе русского духа: въ немъ русская природа, русская душа, русский языкъ, русский характеръ отразились въ той же чистотѣ, въ такой очищенной красотѣ,

въ какой отражается ландшафтъ на выпуклой поверхности оптическаго стекла».

На этихъ дняхъ я снова пересмотрѣлъ произведения Пушкина и очень жалѣль, что въ годы моей юности онъ не былъ такъ доступенъ и не былъ такъ изданъ, какъ въ настоящее время.

Памятникъ Пушкину въ Москвѣ называютъ «памятникомъ учителю». Посмотримъ же, хотя бѣгло, какие уроки зазыдалъ намъ Пушкинъ въ своихъ произведеніяхъ.

Въ то время, когда проходило дѣтство Пушкина, многие получали воспитаніе не то, какое слѣдуетъ. Французы - гувернеры и гувернатки - француженки преподавали на французскомъ языке. Первая книги, прочитанныя Пушкинымъ, были французскія, и первые стихи написаны имъ также по-французски. Во французской же литературѣ XVIII вѣка господствовала чувственность, невѣріе, праздность и разгуль. Школа, въ которую вступилъ Пушкинъ, не могла дать настоящаго воспитанія. Въ лицѣ въ теченіе двухъ лѣтъ не было директора. Это время самъ Пушкинъ называетъ «беззначаіемъ». Общество, въ которое вступилъ 17-лѣтній поэтъ, тоже не отличалось нравственными устоями. Но въ скоромъ времени, путемъ долгой и серьезной работы, онъ побѣдилъ себя, сбросилъ «ветхую чешую» и взлетѣлъ на такую нравственную высоту, на которую едва ли могли подняться многие изъ его сверстниковъ. Гигантская начитанность Пушкина не лишила его самобытности. «Онъ вырасталъ изъ каждого поочередно владѣвшаго имъ гenія, какъ бабочка вылетаетъ изъ прежде живой и нужной и затѣмъ умирающей

и болѣе ненужной куколки *). «Онъ не сложилъ своихъ костей, говоритъ В. Розановъ, на чужомъ кладбищѣ, но, помолившись, вернулся на родину цѣль и невредимъ».

Въ ответъ митрополиту Филарету онъ пишетъ слѣдующее:

Въ часы забавъ иль праздной скучи,
Бывало, лирѣ я моей
Вѣриль изыѣженіе звуки
Безумства, льни и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я преривалъ,
Когда твой голосъ величавый
Меня внезапно поражалъ.

Я льль потоки слезъ нежданныхъ,
И ранамъ совсѣмъ моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.

И нынѣ съ высоты духовной
Миѣ руку простираешь ты
И силой кроткой въ любовной
Смиряешь буйныхъ нечты.

Твоимъ отнемъ душа палима,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлеть арфѣ Серафима
Въ священномъ ужасѣ поэзъ.

(1830 г.)

*) Париж, Вольтеръ, Дидро, Бомарше, Шенсье, Шатобрианъ, г-жа Сталь, Байронъ, Вальтеръ-Скоттъ, Шиллеръ, Гете Шекспиръ и многое другое.

Изъ этого стихотворенія видно, что лира поэта находилась въ послѣднее время подъ влияніемъ арфы Серафима.

Чтобы перевоспитать себя, Пушкинъ обратился къ чтенію божественныхъ книгъ. Привожу печатный отзывъ его объ Евангелии: «Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповѣдано во всѣхъ концахъ земли, примѣнено ко всевозможнымъ обстоятельствамъ жизни и происшествіямъ міра; изъ коей польза повторять и единаго выраженія, котораго не знали бы всѣ наизусть, которое не было бы уже пословицей народа; она не заключаетъ уже для насъ ничего цеизвѣстнаго; но книга сія называется Евангеліемъ — и такова ея вѣчно-новая прелестъ, что, если мы, пресыщенные міромъ или удрученные уныніемъ, случайно откроемъ ее, то уже не въ силахъ противиться ея сладостному увлечению и погружаемся духомъ въ ся божественное краснорѣчіе». И за югъ, и за сѣверъ Пушкинъ не разставался съ Библіею. 4 декабря 1824 г. онъ пишетъ брату: «Михаило привезъ мнѣ все благополучно, Библія иѣть. Библія для христианина — то же, что исторія для народа». Разбирая «Словарь о Святыхъ», онъ въ 1835 г. пишетъ: «издатель Словаря о Святыхъ оказалъ важную услугу: есть люди, не имѣющіе никакого понятія о житіи того Святого Угодника, чье имя носить, отъ купели до могилы, и чью память празднуютъ ежегодно. Не дозволи себѣ никакой укоризны, не можемъ, по крайней мѣрѣ, не давитъся крайнему ихъ нелюбопытству». Черновыя тетради его наполнены выписками изъ Четыехъ-Миней и Пролога.

Многія молитвы, казавшіяся ему наиболѣе ис-

полненными высокой поэзіи, онъ заучивалъ наизусть. Какая же молитва чаще другихъ приходила на уста Пушкина? Это — молитва известнаго св. Ефрема Сириня, которую онъ передалъ въ слѣдующемъ стихотвореніи, написанномъ имъ въ 1836 г. 22-го іюля, ровно за полгода до смерти:

«Отцы-пустынники и жены непорочны,
Чтобъ сердцемъ возлетать во области звончи,
Чтобъ укрѣплять его средь дольныхъ бурь и
битъ,

Сложили множество божественныхъ молитвъ;
Но ни одна изъ нихъ меня не умилаетъ,
Какъ та, которую священникъ повторяетъ
Во дни печальные великаго поста;
Всѣхъ часъ мнѣ она приходитъ на уста —
И падшаго свѣжить неиздомою силой:
«Владыко дній моихъ! духъ праздности унылой,
Любовачаля, змѣи сокрытой сей,
И празднословія не дай душѣ мої;
Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенья,
Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденія,
И духъ смиренія, терпѣнія, любви
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи».

Вспомнимъ стихотвореніе «Пророкъ», одно изъ величайшихъ произведений гения, и увидимъ, что для образа пророка Пушкинъ воспользовался многими чертами VI главы пророка Исаіи.

Изъ этого стихотворенія видно, что воспитаніе, которое давалъ Пушкинъ самому себѣ, состояло въ упорномъ и неустаннымъ трудѣ. «Безъ него», говорить онъ, «нѣть истинно великаго». Онъ настойчиво

работалъ надъ русскимъ языкомъ, который онъ сдѣлалъ «твѣрдымъ и острымъ», какъ сталь, гибкимъ,— и сладкимъ, какъ сахаръ».

Пушкину надо было отвлечься отъ міра, уйти въ самого себя, чтобы изъ глубины своего духа вынести тѣ идеалы, которые давно просятся наружу, и только, такъ сказать, ждать минуты, когда за ними будутъ признаны правда и право. Вотъ какъ совершилось это перерожденіе:

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынѣ мрачной я влажился,
И шестикрылый *Серафимъ*
На перепуты мнѣ явился;
Перстами легкими, какъ сонъ,
Моихъ зѣницъ коснулся онъ;
Отверзались вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горлѣ ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы произбанье.
И онъ къ устамъ моимъ привѣкъ,
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный, и лукавый.
И жало мудрый змѣй
Въ уста замершія мои
Вложилъ десницаю кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечомъ,
И сердце трепетное вынулъ.
И угль, пылающій огнемъ,

Во грудь отверстую водвинаулъ.
Какъ трупъ, въ пустынѣ я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
Возстань, пророкъ, и виждь, и внесли,
Исполнись волею Моеї
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей!

(1826 г.).

Въ стихотвореніи «Монастырь на Казбекѣ» (1829 г.) поэтъ поражаетъ видъ монастыря, вознесеннаго къ небу. Изъ ущелья онъ бросаетъ взоръ на него, полный поэтическаго стремленія къ свободѣ, которую долженъ ощутить человѣкъ, если душою удалится отъ низменныхъ предѣлонъ земли «въ сосѣдство Бога», въ келью монастыря, который, подобно ковчегу, сохранить его отъ низкихъ тревогъ и заботъ жизни:

Высоко надъ семью горъ,
Казбекъ, твой царственныи шатерь
Сиять вѣчными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Какъ въ небѣ рѣюшій ковчегъ,
Парить, чуть видимъ надъ горами.
Далекій, вождѣнныи брегъ!
Туда бѣ, сказавъ прости ущелью,
Подняться къ вольной вышинѣ;
Туда бѣ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога, скрыться мнѣ!

Изучивъ лѣтописи, онъ глубоко постигъ духъ древняго русскаго иночества. Въ трагедіи «Борисъ

Годуновъ» его патріархъ, игуменъ и отецъ Пименъ лѣтописецъ изображены со всѣми привлекательными свойствами, отличающими наше духовенство: глубокій благочестіемъ, простодушіемъ и преданностью царю.

Про сцену въ кельѣ Чудова монастыря Бѣлинскій говоритъ: «это — что-то великое, громадное, колоссальное, никъмъ непредчувствутоное»... Въ этой сценѣ удивительно хорошо обрисованы, въ ихъ противоположности, характеры Пимена и Григорія; одинъ — идеаль безмятежного спокойствія въ простотѣ ума и сердца, какъ тихій снѣгъ лампады, озаряющей въ темномъ углу икону византійской живописи; другой — весь беспокойство и тревога. Григорію трижды снится одна и та же грэза. Проснувшись, онъ дивится спокойствію, съ которымъ старецъ пишетъ свою лѣтопись, — и въ это время рисуетъ идеаль историка. Затѣмъ онъ разсказываетъ старцу о «бѣсовскомъ мечтваніи», смущавшемъ сонъ его. Въ этомъ тревожномъ снѣ — весь будущій Самозванецъ. И какъ по-русски обрисованъ онъ, какая вѣрность въ каждомъ словѣ, въ каждой чертѣ!.. Длинный монологъ Пимена о суетѣ свѣта и преимуществѣ затворнической жизни — верхъ совершенства! Тутъ русскій духъ, тутъ Русью пахнетъ! Ничья, никакая исторія Россіи не дастъ такого яснаго, живого созерцанія духа русской жизни, какъ это простодушное, безхитростное разсужденіе отшелыника. Картина Иоанна Грознаго, искашаго успокоенія «въ подобіи монашескихъ трудовъ», характеристика Феодора и разсказъ о его смерти, — все это чудо искусства, восподаражаемые образы русской жизни до-Петровской эпохи! Вообще вся эта превосходная сцена сама-по- себѣ

есть великое, художественное произведение, полное и оконченное». Приведемъ изъ нея слѣдующій отрывокъ:

Пимень (пишетъ предъ лампадой).

Еще одно, послѣднее сказанье —
И лѣтопись окончена моя,
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Миѣ, грѣшному. Не даромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтель Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ:
Когда-нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безымянныи;
Засвѣтить онъ, какъ я, свою лампаду,
И, пыль вѣкоръ отъ хартий отрахнуть,
Правдивыя сказанья перепишетъ,
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро —
А за грѣхи, за темные дѣянья
Спасителя смиренно умолгаютъ.

На старости я съзнова живу;
Минувшее проходить предо мною —
Давно ль оно неслось, событий полно,
Волнуясь, какъ море-океанъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Немного лице ииѣ память сохранила,
Немного словъ доходить до меня,
А прочее погибло невозвратно!...
Но близокъ день, лампада догораетъ —
Еще одно, послѣднее сказанье...

(пишетъ).

Григорий (пробуждается).

Все толь же сонъ! Возможно ль? Въ третій разъ!

Проклятый сонъ!... А все передъ лампадой
 Старикъ сидѣть да пишеть—и дремотой,
 Знать, во всю ночь онъ не смыкалъ очей.
 Какъ я люблю его спокойный видъ,
 Когда, душой въ минувшемъ погруженный,
 Онъ лѣтонись свою ведеть; и часто
 Я угадать хотѣлъ, о чѣмъ онъ пишеть:
 О темномъ ли владычествѣ татаръ?
 О казняхъ ли свирѣпыхъ Иоанна?
 О бурномъ ли новгородскомъ вѣтѣ?
 О славѣ ли отечества? напрасно:
 Ни на чѣлѣ высокомъ, ни во взорахъ
 Нельзя прочесть его скрытыхъ думъ;
 Все толь же видъ смирѣнныи, величавыи.
 Такъ точно дѣять, въ приказахъ посыдѣлый,
 Спокойно зрѣть на правыхъ и виновныхъ,
 Добру и злу внимая равнодушно,
 Не вѣдая ни жалости, ни гигза.

.

Ты все писаль и сонъ не позабылся,
 А мой покой бѣсовское мечтанье
 Тревожило, и врагъ меня мутить:
 Мнѣ снилось, что лѣстница крутая
 Меня вела на башню; съ высоты
 Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
 Внизу народъ на площади кипѣлъ
 И на меня указывалъ со смѣхомъ;

И стыдно мнѣ, и страшно становилось—
 И падая стремглавъ, я пробуждался...
 И три раза мнѣ снился тотъ же сонъ,
 Не чудно ли?

Никанъ.

Младал кровь играеть;
 Смирай себя молитвой и постомъ,
 И сны твои видѣній легкихъ будуть
 Исполнены. Домытъ — если л.,
 Невольно дремотой обезсиленъ,
 Не сотворю молитвы долгой къ ночи,—
 Мой старый сонъ не тихъ и не безгрѣшенъ,
 Мнѣ чудятся то шумные пиры,
 То ратный станъ, то схватки боевые,
 Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ!

Григорий.

Какъ весело проводилъ свою ты младость!
 Ты воеваль подъ башнями Казани,
 Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
 Ты видѣль дворъ и роскошь Иоанна!
 Счастливъ! а я отъ отроческихъ лѣтъ
 Но коліамъ скитаюсь, бѣдныи иноокъ!
 Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
 Не пировать за царскою трапезой?
 Успѣть бы я, какъ ты, на старость лѣтъ
 Отъ суеты, отъ мїра отложиться,
 • Пронзнести монашества обѣтъ
 И въ тихую обитель затвориться.

Память.

Не ступай, братъ, что рано грядущий свѣтъ
Покинула ты, что мало искушений
Послалъ тебѣ Всевышний. Вѣры ты миѣ:
Насъ издали плѣняютъ слава, роскошь
И женская лукавая любовь.
Я долго жилъ и многимъ насладился;
Но съ той поры лишь иѣдаю блаженство,
Какъ въ монастырь Господь меня привелъ.
Подумай, сынъ, ты о царяхъ великихъ:
Кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смеѣтъ
Противу нихъ? Никто. А что же? Часто
Златой вѣнецъ тяжель имъ становился:
Они его мнѣли на клобукъ.
Царь Иоаннъ искалъ успокоенія
Въ подобіи монашескихъ трудовъ.
Его дворецъ, любимцевъ гордыхъ полный,
Монастыря видѣлъ новый принималъ:
Кромѣшики въ тафляхъ и власяницахъ
Послушными являлись чернецами,
А грозный царь игуменомъ богомольнымъ.
Я видѣлъ здѣсь, вотъ изъ этой самой кальѣ,
(Въ ней жилъ тогда Кирилль многострадальный,
Мужъ праведный; тогда ужъ и меня
Сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
Мирскихъ сущъ), здѣсь видѣлъ и царя,
Усталаго отъ гибнущихъ думъ и казней:
Задумчивъ, тихъ сидѣлъ межъ нами Грозный;
Мы передъ нимъ недвижимо стояли,
И тихо онъ бесѣду съ нами вѣль.
Онъ говорилъ игуому и всей братѣ:

«Отцы мои, желанный дезъ придетъ,
Предстану здѣсь алкающій спасенія;
Ты, Никодимъ, ты, Сергій, ты, Кирилль,
Вы всѣ—обѣть приклите мой духовный,
Приду къ вамъ преступникъ окаянный,
И схиму здѣсь честную восприму,
Къ стопамъ твоимъ, святый отець, припадши».
Такъ говорилъ державный государь,
И сладко рѣчь изъ устъ его лилась,
И плакаль онъ. А мы, въ слезахъ, молились,
Да испрошаетъ Господь любовь и миръ
Его душѣ, страдающей и бурной.
А сынъ его Феодоръ? На престолѣ
Онъ воздыхалъ о мирномъ житіи
Молчальника. Онъ царскіе чергоги
Преобрѣти въ молитвенную келью;
Тамъ тяжкія, державные печали
Святой души его не возмущали.
Богъ возлюбилъ смиреніе цара,
И Русь при немъ во славѣ безмятежной
Утышилась—а въ часъ его кончины
Свершилося неслыханное чудо:
Къ его одру, царю едину зрячій,
Явился мужъ необычайно свѣтлыъ,
И началь съ нимъ бесѣдоватъ Феодоръ,
И называть великимъ патріархомъ,
И всѣ кругомъ облыты были страхомъ,
Уразумѣвъ небесное видѣнье,
Зане святый владыка предъ царемъ
Во храминѣ тогда не находился.
Когда же онъ преставился, палаты
Исполнились святымъ благоуханьемъ,
И лицъ его, какъ солнце, просиялъ—

Ужъ не видать такого намъ царя.
О страшное, невиданное горе!
Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили:
Владыкою себѣ цареубѣйцу
Мы нарекли.

Въ той же трагедіи находится разсказъ о чудѣ отъ мощей Св. Димитрія Царевича. Его передаетъ патріархъ Борису Годунову. Съ какимъ благоговѣніемъ сочувствіемъ относится Пушкинъ къ силѣ вѣры русскаго народа, какъ самъ раздѣляетъ эту вѣру слѣпого настуха въ благодатную силу мощей.

Знай, государь, тому прошло шесть лѣтъ,
Въ тотъ самый годъ, когда тебя Господь
Благословилъ на царскую державу—
Въ вечерній часъ ко мнѣ пришелъ однажды
Простой настухъ, уже маститый старецъ,
И чудную повѣдалъ онъ мнѣ тайну:
«Въ младыхъ лѣтахъ, сказалъ онъ, я ослѣпъ,
И съ той поры не зналъ ни дня, ни ночи
До старости. Напрасно я лѣчился
И залѣмъ, и тайланть изнептаньемъ;
Напрасно я ходилъ на поклоненіе
Въ обители къ великимъ чудотворцамъ;
Напрасно я изъ кладязей святыхъ
Крошилъ водой пѣребной темны очи,—
Не посыпалъ Господь мнѣ исцѣлены.
Вотъ наконецъ утратилъ я надежду,
И къ тымъ своей прикметѣ, и даже снѣ
Мнѣ виданныхъ нещѣй ужъ не являли,
А снились мнѣ только звуки. Разъ,
Въ глубокомъ снѣ, я слышу, дѣтской голосъ
Мнѣ говорить: «встань, дѣдушка, поди

Ты въ Угличъ градъ, въ соборъ Преображенія;
Тамъ помолись ты надъ моей могилой,
Богъ милостивъ—и я тебя прошу.
Но кто же ты? спросилъ я дѣтской голосъ.
Царевичъ я Дмитрій. Царь небесный
Пріялъ меня изъ ликъ ангеловъ своихъ,
И я теперь великий чудотворецъ.
Иди, старикъ! — Проснулся я и думалъ:
Что жъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, Богъ
Мнѣ позднее даруетъ исцѣленье,—
Нойду — и въ путь отправлюсь далекій.
Вотъ Углича достигъ я, прихожу
Въ святый соборъ и слушаю обѣдню
И, разгоряясь душой усердной, плачу
Такъ сладостно, какъ будто слѣнота
Изъ глазъ моихъ слезами вытекала.
Когда народъ сталъ выходить, я внуку
Сказалъ: Иванъ, веди меня на гробъ
Царевича Дмитрія. И мальчикъ
Попелъ меня — и только передъ гробомъ
Я тихую молитву сотворилъ,
Глаза мои проэрѣли: я увидѣлъ
И Божій свѣтъ, и внука, и могилку».
Вотъ, государь, что мнѣ повѣдалъ старецъ.
Я послалъ тогда нарочно въ Угличъ,
И сказали, что многие страдальцы
Спасеніе подобно обратили
У гробовой царевича доски.

1826 г.

Будучи глубоко набожнымъ, Пушкинъ не воспѣлъ ни единаго злого или извращенного движенія

души человѣческой, но пробуждалъ лишь одни «добрья» и благороднѣйшія чувства. Онъ былъ всегда тѣрпѣнъ высокому призванію поэта:

«Не для житейскаго волненія,
Не для корысти, не для битъ:
Мы рождены для вдохновенія,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ».

1828 г.

Въ заключеніе объ урокахъ набожности, которые завѣщалъ намъ Пушкинъ, я приведу письмо г. Льдова съ могилы поэта, на днѣхъ напечатанное въ газетахъ: «Я понялъ, почему гениальній поэтъ, такъ чутко воспринимавшій обаяніе родной природы и передававшій ея красоту съ неподражаемою прелестью и красотою, избралъ древнюю обитель, Святогорскій монастырь*), мѣстомъ своего вѣчнаго успокоенія... И истинныи надмогильныи памятникомъ служить не эта скромная пирамида съ вызолоченнымъ крестомъ и сквозною нишей, въ которой красуется погребальная урна: его памятникъ — весь возносящейся къ небу надъ кладбищемъ старинный соборъ съ его трогательными святынями, прозрачно-голубое небо съ рѣющими перламутровыми облаками — куполь вѣчнаго храма, увѣличивающій памятникъ великому поэту».

Какъ истинно провославленій христіанинъ, онъ любилъ бродить по сельскому кладбищу, прислуши-

*) Обитель построена въ половинѣ XVI вѣка, при Иванѣ Грозномъ. Гора, послѣ появленія на ней чудотворныхъ иконъ Божией Матери Умиленія и Одигитріи, хранившихся въ монастырѣ, названа Святой.

валась къ шуму дубовъ, любилъ вечернюю тишину среди убогихъ могилъ. Онъ говорить:

Но какъ же любо мнѣ
Осеннюю порой, къ вечерней тишинѣ,
Въ деревнѣ посѣщать кладбище родовое,
Гдѣ дремлютъ мертвые въ торжественномъ
покой:
Тамъ неукрашенныи могиламъ есть просторъ!
Къ нимъ ночью темною не лѣзть блѣдный
воръ;
Близъ камней вѣковыхъ, покрытыхъ желтымъ
мохомъ,
Проходитъ селянинъ съ молитвой и со вздохомъ;
На мѣсто празднныхъ урнъ и мелкихъ пирамидъ,
Безносыхъ геніевъ, растрапанныхъ харитъ
Стоять широкій дубъ надъ важными гробами,
Колеблясь и шумя...

(14 ав. 1836 г.).

Предчувствуя свою кончину, поэтъ писалъ, что хотѣлъ бы почивать «ближе къ милому предѣлу». Желаніе поэта исполнено: прахъ его поконится близъ того села, гдѣ онъ провѣль со своею старою пяней два лучшихъ года своей жизни (1824—1826 г.).

Брошу ли я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу лъ во многолюдный храмъ,
Сижу лъ межъ юношей безумныхъ,
Я предаюсь моимъ мечтамъ.
Я говорю: промчатся годы,
И сколько адѣсь ни видно насть,

Мы вѣй сойдемъ подъ вѣтны своды—
И чай-нибудь ужъ близокъ часъ.

Гляжу лѣ на дубъ уединенный,
Я мыслю: патріархъ лѣсовъ
Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.

Младенца лѣ милаго ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебѣ я мѣсто уступаю:
Миѣ—время тѣть, тебѣ—цвѣсти.

День каждый, каждую годину
Привыкъ я думой пронождать,
Грядущей смерти годовщину
Межъ пихъ стараясь угадать.

И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина:
Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ?
Или сосѣдняя долина
Мой приметъ охладѣлый прахъ?

И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Миѣ все бѣ хотѣлось почивать.

И пусть у гробового входа
Младая будеѣ жизнъ играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

(1829 г.)

Вновь я посѣтилъ
Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провѣль
Отшельникомъ два года незамѣтныхъ.
Ужъ десять лѣть прошло съ тѣхъ поръ, и
много
Перемѣнилось въ жизни для менѣ,

И самъ, покорный общему закону,
Перемѣнился я; но здѣсь опять
Минувшее меня обѣзляетъ живо—
И кажется, вчера еще бродилъ
Я въ этихъ рощахъ.

Вотъ смиренный докикъ*),
Гдѣ жилъ я съ бѣдной изнено моей.
Уже старушки нѣть, ужъ за стѣною
Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
Ни утреннихъ ея дозоровъ. Вотъ
И холмъ лѣсистый **), надъ которымъ часто
Я сиживалъ, недвижимъ, и гладѣль
На озеро ***) , вспоминала съ грустью
Иные берега, иные волны ****)...
Межъ нинѣ златыхъ и пажитей зеленыхъ

* Небольшая комната изъ одно окно, выходящее на дворъ, служившая изнутри и кабинетомъ, и спальню, и столоню, и гостиною. „Тутъ у него“, говорить К. Тимофеевъ, столикъ былъ подъ окномъ. Коли дома, такъ все онъ тутъ бывало книги читалъ, и по ночамъ читалъ синять, синять, да и писать, сидѣть писать; огонь у него тутъ безшерендано горѣлъ“. Противъ двери этой комнаты была комната Принца Роденовна, дальше въ глубь помѣщалась зала съ балдахиномъ и еще двери комнаты.

**) Прекрасный лѣсъ сохранился до сего времени. Садъ Михайловскаго.—

Огромный запущенный садъ,
Приютъ задумчивыхъ дѣлъ...

о которомъ говорить Пушкинъ изъ одногъ изъ своихъ произведений, скорѣе былъ расчищенъ углкомъ лѣса. Длинная аллея старыхъ, могучихъ елей, посаженныхъ самими Пушкинами, ведетъ изъ парка, или лѣса, прямо къ усадьбѣ.

***) Съ террасы фасада противоположнаго двору, открывается чудный видъ изъ излучистую рѣку Сороть, протекающую внизу, на озера (Малинецъ и Кучане), соединенные рѣкою, на гранитные холмы противоположнаго берега, на кристаллическую мельницу.

****) Т. е. берега Чернаго моря.

Оно, синяя, стелется широко;
Черезъ его неиздомыя воды
Плынетъ рыбакъ и тянетъ за собой
Убогій неводъ. Но брегамъ отлогимъ
Разсѣяны деревни; тамъ за ними
Скрутилась мельница, насили крылы
Вороная при вѣтре..

На границѣ *)

Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
Гдѣ въ гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоятъ, одна поодаль, двѣ другія
Другъ къ другуѣ близко. Здѣсь, когда ихъ
мамо

Я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ луныють
ночи,
Знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вершинъ
Меня привѣтствовалъ. По той дорогѣ
Теперь пойхать я, и предъ собою
Увидѣлъ ихъ опять; онѣ все тѣ же,
Все тогъ же ихъ знакомый слуху шорохъ,
Но около корней ихъ устарѣлыхъ,
Гдѣ никогда все было пусто, голо,
Теперь младая роща разрослась.
Зеленою семьей кусты тѣснятся
Подъ тѣнью ихъ, какъ дѣти. А здѣли
Стоитъ одинъ угрюмый ихъ товарищъ,

*) Земли Михайловского и села Тригорского граничатъ между сѣльскими землями. Изъ Михайловского къ вечеру Пушкинъ выѣзжалъ въ Тригорское, гдѣ находилась веселый молодой кружокъ, переселеній отъ прихода изъ русской помѣщицкой жизни, изъ нашъ обычнаго тогда дворянскаго сельскаго быта, послужившій для соченія романа Евгений Онѣгінъ. (Нов. Время).

Какъ старый холостякъ, и вокругъ него
По-прежнему все пусто.

Здравствуй, племя

Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ,
Когда перерастешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго. Но пусть мой внуки
Услышатъ вашъ приѣтный шумъ, когда,
Съ приятельской бесѣды возвращалась,
Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полны,
Пройдетъ онъ мимо васъ во мракѣ ночи
И обо мнѣ вспомнятъ...

Въ разны годы

Подъ вашу сѣнь, Михайловскія рощи,
Явился я. Когда вы въ первый разъ
Увидѣли меня, тогда я былъ
Веселымъ юношемъ. Безпечно, жадно
Я приступалъ лишь только къ жизни; годы
Промчалися—и вы во мнѣ пріѣзди
Усталаго пришельца. Я еще
Былъ молодъ, но уже судьба
Меня борьбой неравной истомила;
Я былъ ожесточенъ. Въ уныни часто
Я помышлялъ о юности моей,
Утраченной въ безплодныхъ испытаньяхъ,
О строгости заслуженныхъ упрековъ,
О дружбѣ, заплатившей мнѣ обидой
За жаръ души, донѣрчивой и нѣжной—
И горькія кипѣли въ сердцѣ чувства.

Какъ человѣкъ религіозный, Александръ Сергеевичъ отыскалъ добрыя чувства даже въ Пугачевѣ, даже въ кузнецѣ (повѣсть Дубровскій). Архипъ зажегъ домъ, гдѣ находились злые подъячіе. Кошка бѣгала по кровлѣ пылающаго сарая. Онъ полѣзъ за кошкою, и полуобгорѣлый возвратился съ своей добычей. «Ну, ребята!» сказалъ онъ смущеннной дворнѣ: «мнѣ здѣсь дѣлать ничего, счастливо оставаться, не поминайте меня лихомъ!»

За несчастныхъ, оскорблѣнныхъ и униженныхъ онъ всегда былъ горячимъ заступникомъ. Вспомните, съ какимъ сочувствіемъ онъ относится къ маленькимъ людямъ — героямъ повѣсти «Капитанская дочка» и въ другихъ. Въ «Полтавѣ», которая принадлежитъ къ числу превосходѣнійшихъ твореній поэта и заключаетъ въ себѣ нѣсколько поэмъ, Пушкинъ является знакомъ человѣческаго сердца. Обращался къ отдѣльнымъ красотамъ этой поэмы, не знаешь, на чёмъ остановиться, — такъ много ихъ. «Скажите», восклицаетъ Бѣлинскій въ восторгѣ: «какимъ языкомъ хвалить такія черты и отрывки высокаго художества!» Пушкинъ учить настъ понимать горе и страданія людей. Любящая душа его зажигаетъ и въ настъ искру добра и состраданія къ близкимъ. Кочубей, ожидающій въ темницеѣ своей казни, его разговоръ съ Орликомъ (за исключеніемъ того, что говорить самъ Орликъ), — все это изтерповано, по словамъ Бѣлинскаго, кистью столь широкую, могучею и въ то же время спокойною и увѣренною, что читатель не знаетъ, чему дивиться: мрачности ли ужасной картины, или ея эстетической прелести. Можно ли читать безъ упоенія,

столь же полнаго грусти, сколько и наслажденія, эти стихи:

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Луна спокойно съ высоты
Надъ Бѣлої Церковью сиять,
И пышныхъ гетмановъ сады,
И старый замокъ озаряетъ.
И тихо, тихо все кругомъ;
Но въ замкѣ щопотъ и сматанье:
Въ одной изъ башенъ подъ окномъ.
Въ глубокомъ, тяжкомъ размышеніи,
Окованъ, Кочубей сидѣть
И мрачно на небо глядѣть.

Заутра казнь. Но бѣзъ болзни
Онъ мыслигъ объ ужасной казни:
О жизни не жалѣть онъ.
Что смерть ему? желанный сонъ.
Готовъ онъ лечь во гробъ кровавый.
Дрема долить. Но, Боже правый!
Къ ногамъ злодѣя, молча, пасть
Какъ бессловесное созданье.
Царемъ быть отдану во власть
Врагу Царя на поруганье,
Утратить жизнь — и съ нею честь.
Друзей съ собой на плаху вѣсть,
Надъ гробомъ слышать ихъ проклятья,
Ложась безвиннимъ подъ топоръ,
Врага веселый встрѣтить взоръ,

И смерти кинуться въ объятья,
Не загыная никому
Вражды къ злодѣю своему! .

И вспомнилъ онъ свою Полтаву,
Обычный кругъ семьи, друзей,
Минувшихъ днѣй богатство, славу,
И пѣсни дочери своей,
И старый домъ, гдѣ онъ родился,
Гдѣ зналь и труль, и мирный сонъ,
И все, чѣмъ въ жизни насладился,
Что добровольно бросилъ онъ,
И для чего?...

Но ключъ въ заржавомъ
Замкѣ гремитъ—и пробужденъ
Несчастный, думаетъ: вотъ онъ!
Вотъ на пути моемъ кровавомъ
Мой вождь подъ знаменемъ Креста,
Грѣховъ могучій разрѣшитель,
Духовной скорби врачъ, служитель
За нась распятаго Христа,
Его святую кровь и тѣло
Принесшій мнѣ, да укрѣплюсь,
Да приступлю ко смерти смѣло
И жизни вѣчной пріобщусь!

И съ сокрушніемъ сердечнымъ
Готовъ несчастный Кочубей
Передъ Всесильнымъ, Бенкеночнымъ
Излить тоску мольбы своей.
Но не отшелника святого:
Онъ гостя узнаетъ иного—
Свирѣпый Орликъ передъ нимъ.
И отвращенiemъ томимъ,
Страдалецъ горько вопрошасть:

Ты здѣсь, жестокій человѣкъ?
Затѣмъ послѣдній мой ночлегъ
Еще Мазепа возмущаетъ?

(1828 г.).

Пушкинъ ко всей своей дворянѣ относился съ рѣдкою добротою. Возвращеніе его домой было для него настоящимъ праздникомъ. Съ какою радостью встрѣчала она его! Какъ молнія разносилась вѣсть обѣ его приѣздѣ. Къ крыльцу спѣшили мужики, бабы, дѣти. Начинались объятія, сердечные поцѣлуи и привѣтствія. Бѣжали топить баню. Поваръ спѣшилъ готовить обѣдъ. Въ лицѣ Савельича въ повѣсти «Капитанская дочь» Пушкинъ хотѣлъ показать, какое благородное сердце бѣтесь въ груди человѣка, котораго, по обычаямъ того времени, даже въ разговорѣ называли «хамомъ». Относясь такъ мягко и дружески къ своимъ крѣпостнымъ, Пушкинъ безпрѣдѣльно радовался, если кто изъ народа проявлялъ поэтическія способности: онъ обласкалъ Кольцова, посвятившаго памати его чудное стихотвореніе «Лѣсъ», принималъ живое участіе въ судьбѣ поэта-крестьянина Слѣпушкина. Въ стихотвореніи «Деревня» 1819 г. онъ пророчески мечтаетъ объ освобожденіи крестьянъ. Онъ говоритъ:

Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, падшее по манию цара,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?

Наоборотъ, все же гордое, неприступное, надменное, неспособное къ проявленію жалости и ми-

лосердія, не располагало къ себѣ поэта. Въ стихотвореніи «Аквилонъ», какъ и въ «Тучѣ», говорится какъ о грозныхъ, разрушительныхъ, такъ и о благодѣтельныхъ силахъ природы. Вся симпатія поэта на сторонѣ послѣднихъ. Гибель природы послѣ истребленія дуба-гордца представляется поэту уже безцѣльнымъ.

Зачѣмъ ты, грозный Аквилонъ,
Тростникъ болотный долу клонишь?
Зачѣмъ на дальний небосклонъ
Ты облако столь гибко гонишь?

Недавно черныхъ тучъ грядой
Сводь неба глухо облекался;
Недавно дубъ надъ высотой
Въ красѣ надменной величался.

Но ты поднялся, ты взыгралъ,
Ты прошумѣлъ грозой и славой—
И бурины тучи разогналъ,
И дубъ низвергнулъ величавый.

Пускай же солнца ясный ликъ
Отмынѣ радостью блестаетъ,
И облакомъ зефиръ играетъ,
И тихо зыблется тростникъ.

1824 г.

Но зарче всего его человѣколюбіе выражается въ его взглядѣ на войну. Онъ всегда былъ противникомъ ея и защитникомъ общаго мира на землѣ. Еще будучи юношемъ, когда чаще всего появляется желаніе поступить въ военную службу, онъ пишетъ стихотвореніе изъ возвращеніе Государя изъ Парижа

въ 1815 г. Въ этомъ стихотвореніи особенно поражаютъ слѣдующія строки, написанными чутъ ли не мальчикомъ:

Ты нашъ, о русскій царь, оставь же шлемъ
стальной,
И грозный мечъ войны, и щитъ, ограду нашу;
Излей предъ Янусомъ священну мира чашу,
И брани сокрушилъ могучею рукой,
Вселенну осѣни желанной тишиной!..
И придууть времена спокойствія златыя,
Покроеть шлемы ржа, и стрѣлы каленыя,
Въ колчанахъ скрытыя, забудутъ свой полетъ;
Счастливый селянинъ, не гналъ бурныхъ бѣдъ,
По нивамъ повлечеть плугъ, миромъ изомреніи,

Суда летучія, торговлей окрылены,
Кормами разсѣкуть свободный океанъ...

Мысль объ общемъ мирѣ не покидала его даже въ юные годы. Онъ готовъ былъ положить свою голову за родину, но страсти къ военной славѣ у него не было, несмотря на то, что онъ находился подъ обаяніемъ славнаго 12-го года. Въ день Пасхи въ 1816 г. онъ пишетъ къ дядѣ стихотвореніе «Желаніе», въ которомъ, между прочимъ, находятся слѣдующія строки:

Дай Богъ, чтобы по всей вселенной
Воскресли миръ и тишина,
Чтобъ въ наши грѣшны времена
Воскресла предковъ добродѣтель...

Въ стихотвореніи же «Наполеонъ», написанномъ по получении извѣстія о смерти врага Россіи (18 июля 1821 г.), въ то время, когда весь міръ проклиналъ завоевателя народовъ, Пушкинъ высказалъ пророческія слова о назначеніи Россіи изъ сонмъ государствъ всего міра. Наполеонъ въ произведеніи Пушкина получаетъ значение личности, искушившей грѣхъ властолюбія своимъ надіємъ и страданіемъ и ихъ послѣдствіями для человѣчества, которое онъ такъ презиралъ. Поэтъ это презрѣніе поставилъ въ трагическую вину герою. Наряду съ нимъ въ стихотвореніи выступаетъ и другой герой—русскій народъ, въ которомъ поэтъ видѣтъ образъ самопожертвованія. Глубокая мысль стихотворенія въ этомъ неожиданномъ соединеніи обѣихъ жертвъ—побѣжденной и самопожертвованвшей—на пользу одной цѣли—открываетъ въ историческомъ фактѣ борьбы Россіи съ Наполеономъ высокій смыслъ, чѣмъ и ставить это произведеніе во главу глубокомысленныхъ откровеній.

Чудесный жребій совершился:

Угасъ великий человѣкъ,
Въ неволѣ мрачной закатился
Наполеона грозный вѣкъ.
Исchezъ властитель осужденный,
Могучій баловень побѣдъ,
И для изгнаника вселенной
Уже потомство настаетъ.

О ты, чьей памятью кровавой
Міръ долго, долго будеть боленъ,
Простишень твою славой,
Почтій среди пустынныхъ волнъ!

Великолѣпная могила...
Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ незавѣстъ почила,
И душъ бессмертія горать.

. . . Въ волнены бурь народныхъ
Предвидя чудный свой удѣль,
Въ его надеждахъ благородныхъ
Ты человѣчество презрѣль.
Въ свое погибельное счастье
Ты дерзкой прервалъ душой;
Тебя плѣнило самовластье
Разочарованной красой.

И обновленшаго народа
Ты буйность юную смирилъ;
Новорожденная свобода.
Вдругъ огнь изъ, лившилась силь.
Среди рабовъ до уноенія
Ты жажду власти уголилъ,
Помчалъ къ боямъ ихъ ополченья,
Ихъ цѣни лаврами обвилъ.

И Франція, добыча славы,
Плѣненный устремила взоръ,
Забывъ надежды величавы,
На свой блестательный позоръ.
Ты вѣль мечи на пиръ обильный;
Все пало съ шумомъ предъ тобой:
Европа гибла; сонъ могильный
Носился надъ ея головой.

Сбылось! Въ величиі постыдномъ
Ступилъ на грудь ея колоссъ!
Тильзитъ—при звукѣ семъ обидномъ
Теперь не поблѣднѣть россъ—

Тильзитъ надменнаго героя
Послѣдней славою звѣчаль,
Но скучный миръ, по хладъ чокоя
Счастливеца душу волновалъ.

Надменный, кто тебя подвигнулъ?
Кто обуялъ твой дивный умъ?
Какъ сердца русскихъ не постигнуль
Ты съ высоты отважныхъ думъ?
Великодушнаго пожара
Не предузнанъ, ужъ ты мечталъ,
Что мира вновь мы ждемъ какъ дара;
Но поздно русскихъ разгадаль...

Испуплены его стяжаны
И зло воинственныхъ чудесъ
Тоскою душнаго изгнанья,
Подъ сѣнью чуждою небесъ.
И знайный островъ заточены
Полнощный парусъ постыть,
И путникъ слово примиренъ
На ономъ камнѣ начертить.

Гдѣ, устремивъ на волны очи,
Испанникъ помнилъ звукъ мечей,
И лѣдистый ужасъ полуночи,
И небо Франціи своей;
Гдѣ иногда, въ своей пустынѣ,
Забывъ войну, потомство, тронъ,
Одинъ, одинъ, о мазомъ сынъ
Въ уныніи горькомъ думалъ онъ.

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутить укоромъ
Его развѣченнуу тѣны!
Хвала!... Онь русскому народу

Высокій жребій указалъ,
И миру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣчаль.

И вотъ въ то время, когда мы празднуемъ столѣтие со дня рождения нашего великаго поэта,—въ небольшой и тихой столицѣ Нидерландскаго королевства, въ маленькомъ дворцѣ, утапающемъ въ зелени огромнѣшаго парка, въ чащѣ котораго такъ и прыгаютъ лоси, столь мало пугливые, что они нерѣдко подбѣгаютъ къ самымъ дачамъ (охотиться на нихъ запрещено круглый годъ),— происходитъ, по великодушному почину Русскаго Государя, Сойѣтъ всѣхъ держанъ въ мірѣ о необходимости положить конецъ увеличивавшимся до сихъ поръ вооруженіямъ. Какое знаменательное явленіе мы переживаемъ въ эти минуты: на одномъ концѣ образованнаго міра Русь празднуетъ 100-лѣтнюю годовщину рождения своего великаго поэта,—на другомъ—по Ея великодушному почину собрались представители народовъ, чтобы обсудить предложеніе Ея о прекращеніи кровопролитныхъ войнъ. Сбываются пророческія слова нашего Солнца русской словесности:

Хвала! Онь русскому народу
Высокій жребій указалъ...

Не только къ людямъ, Пушкинъ быль сострадателъ и къ животнымъ. Вспомните его стихотвореніе «Птичка» и вы найдете прекрасный урокъ сострадательности къ животнымъ. Стихотвореніе это

было прислано 13 мая 1822 г. Гнедичу въ письме изъ Кинешева послѣ слѣдующихъ словъ: «Знаете ли вы трогательный обычай русского мужика въ Свѣтлое воскресеніе выпускать на волю птичку? Вотъ вамъ стихотвореніе на это».

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При свѣтломъ праздникѣ весны.
Я сталъ доступнѣй утѣшенью;
За что на Бога миѣ роптать,
Когда хоть одному творенію
Я могъ свободу даровать?

Вотъ уроки человѣколовія, запѣщанные намъ Александромъ Сергеевичемъ. Источникомъ человѣколовія въ поэзіи приходится признать совѣсть, просвѣтленную высшимъ религіознымъ сознаніемъ. Не даромъ онъ въ своихъ произведеніяхъ многократно упоминаетъ о совѣсти, какъ руководительницѣ всей нашей жизни.

Посмотримъ теперь, какіе уроки любви къ родинѣ, патріотизма запѣщала намъ поэзія? Въ 1824 г. онъ писалъ:

Два чувства равно близки къ намъ,
Въ нихъ обрѣтаеть сердце пищу:
Любовь къ родному певелицу,
Любовь къ отеческимъ гробамъ.

Какъ истинно русскій человѣкъ, Пушкинъ любилъ нашу смиренную, простую сѣверную природу:

онъ предпочиталъ деревню городу. Въ ней онъ чувствовалъ себя счастливымъ и здоровымъ: здѣсь были написаны его лучшія творенія. Въ «Евгениѣ Онѣгинѣ» онъ пишетъ:

Я былъ рожденъ для жизни мирной,
Для деревенской тишины:
Въ глухи звучнѣе голосъ лирикъ,
Живѣе творческіе сны.

Изъ всѣхъ временъ года ему больше всего нравилась осень, какъ любить ее и русскій пахарь: въ это время онъ пожинаетъ плоды своихъ трудовъ. Михайловское и Тригорское Псковской губерніи, Болдино — Нижегородской, Захарово, лежащее въ 40 verstахъ отъ Москвы, гдѣ «старыхъ кленоў темный рядъ возносится до небосклона и глухо тоцоля шумятъ», гдѣ «ручей шумѣть и скакать и ичится въ влажныхъ берегахъ» — дороги поэту, какъ дорога должна быть родиной каждому человѣку. Подъ конецъ своей жизни Пушкинъ уже не мечталъ о голубыхъ волнахъ иноzemныхъ морей, не обольщался лаурнымъ небомъ Италии: его привлекала къ себѣ русская природа. Описывая путешествіе Онѣгина, онъ замѣчаетъ:

Иные нужны мнѣ картины:
Люблю нестанный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рабинь,
Калитку, сломанный заборъ,
На небѣ сѣреныя тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи,
Да прудъ подъ сѣнью липъ густыхъ—
Раздолье утокъ молодыхъ.

Белинский говорил, что «Пушкину не нужно было ездить въ Италию за картинами прекрасной природы: прекрасная природа была у него подъ рукою здѣсь, на Руси, на ея плоскихъ и однообразныхъ степяхъ, подъ ея вѣчно сѣрымъ небомъ, въ печальныхъ деревняхъ и ея богатыхъ и бѣдныхъ городахъ». Что для прежнихъ поэтовъ было низко, то для Пушкина было благородно; что для нихъ была проза, то для него была поэзія. Приведемъ стихотворенія, и они больше наасъ скажутъ, какъ онъ любилъ свою родину.

Октябрь ужъ наступилъ; ужъ роша отрахаетъ

Послѣдніе листы съ нагихъ своихъ вѣтвей;
Доинулъ осенний хладъ, дорога промерзаетъ;
Журча еще бѣжитъ за мельницу ручей,
Но прудъ уже застыль, сосѣдъ мой поспѣшаетъ
Въ отѣахія поля съ охотою своей—
И страждуть озимѣ отъ бѣшеной забавы,
И будить лай собакъ уснувшія дубравы.

Унылая пора, очей очарованье,
Прѣтина мнѣ твоя прощальная краса!
Люблю я пышное природы уянданье,
Въ багрецъ и въ золото одѣтые лѣса,
Въ ихъ сѣяхъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И рѣдкій солнца лучъ, и первые морозы,
И отдаленные сѣды зими угрозы...

1829 г.

Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ? Я встрѣчу

Слугу, несущаго мнѣ утромъ чашку чаю,
Вопросами: тепло лѣ? утихла ли метель?
Пороша есть иль нѣтъ? и можно ли постель
Покинуть для сѣда, иль лучше до обѣда
Возиться съ старыми журналами сосѣда?
Пороша. Мы встаемъ, и тотчасъ на коня,
И рысью по полю при первомъ свѣтѣ для;
Арапники въ рукахъ; собаки всѣдѣ за намъ;
Глядимъ на блѣдный снѣгъ приложими глазами;
Кружимся, рыкаемъ, и поздней ужъ порой,
Двухъ зайцевъ проторавивъ, являемся домой.
Куда какъ весело!...

1829 г.

Вотъ сѣверъ, туки нагоная,
Доинуль, завыль—и вотъ сама
Идетъ волшебница зима.
Пришла, разсыпалась, клоками
Повисла на сухахъ дубовъ,
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокругъ холмовъ;
Брега съ недвижною рѣкою
Сравнила пухлой пеленою;
Опрятій моднаго паркета
Блистаетъ рѣчка, льдомъ одѣта.
Мальчишкѣ радостный народъ
Копытами звучно рѣжетъ ледь;
На красныхъ запахъ гусь тяжелый,
Задумавъ плѣть по лону водъ,
Ступаетъ бережно на ледь,
Скользитъ и падаетъ; веселый
Мелькаетъ, вѣтеся первый снѣгъ,
Звѣздами падая на брегъ.
(Изъ „Евгена Онѣгина“).

Гонимы веяними лучами,
Съ окрестныхъ горъ *) уже сняга
Сбѣжали мутными ручьями
На потошенные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣтъ утро года;
Синія блещущія небеса;
Еще прозрачныя, лѣса
Какъ-будто пухомъ зеленѣютъ.
Пчела за данью полевой
Летить изъ вѣли восковой;
Долины сохнуть и пестрѣютъ;
Стада шумять, и соловей
Ужъ пѣлъ въ безмолвіи ночей.

(Иль „Евгений Онѣгін“).

Привѣтствуя тебя, пустынныи уголокъ**),
Приютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенія,
Гдѣ льется дней моихъ невидимый потокъ
На лонѣ счастія и забвенья!
Я твой: люблю сей темный садъ,
Съ его прохладой и цѣѣтами,
Сей лугъ, уставленный душистыми скирдами,
Гдѣ свѣтлые ручьи въ кустарникахъ шунять.
Вездѣ передо мнойъ подвижная картина:
Здѣсь вижу двухъ озеръ лазурныхъ равнинъ,
Гдѣ парусъ рыбаря бѣѣть иногда,
За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты,
Вдали разсыпанныя хаты,
На влажныхъ берегахъ бродящія стада,

*) Съ холмовъ села Михайловскаго.

**) Михайловское.

Озини дымные и мельницы крылаты,
Вездѣ слѣды довольства и труда ..

1819 г.

Кровное его родство съ народомъ выразилось
также въ его любви къ народной поэзіи:

А куда разумны шутки,
Приговоры, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старинѣ!
Слушать такъ душѣ отрадно...
Кто придумалъ ихъ такъ складно?
И не пиль бы, и не Ѳъль,
Все бы слушаль да глядѣль.

Въ долгіе зимніе вечера онъ любилъ слушать
пѣсни наяни:

Свой мнѣ пѣсню, какъ синица
Тихо за моремъ жила,
Свой мнѣ пѣсню, какъ дѣвница
За водой поутру шла?

Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ имщица:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска.

Пушкинъ чтилъ то же, что чтитъ русскій народъ.
Любовь его къ нашей исторіи совершенно исключительна. Нѣтъ эпохи въ нашемъ прошломъ, кото-

рой бы онъ не понималъ и не любилъ всею полнотою своего вдохновеннаго сердца, которою не проникался бы до возможности непогрѣшно вѣрнаго художественнаго воспроизведенія. Русская слава была его родною славою*), исторія государства Россійскаго была его родовынь достояніемъ. Доказательствомъ служать между прочимъ его историческія стихотворенія. «Пѣсня о вѣщемъ Олегѣ» (1822 г.), замѣчаетъ Бѣлинскій, исполнена поэтической прелести, которую особенно выразляетъ разлитый въ ней грустный тонъ... Вся пьеса эта удивительно выдержана въ тонѣ и содержаніи. Предъ нами языческая Русь. Все здесь — тонъ, складъ и краски древнерусскія. «Товарищеская любовь старого князя къ своему коню», пишетъ Пушкинъ, «и заботливость объ его судьбѣ есть черта трогательнаго простодушія».

Какъ иныѣ собирается вѣщій Олегъ
Отмстить неразумнымъ хозарамъ;
Ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ,
Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
Съ дружиной своей, въ цареградской бронѣ,
Князь по полю ёдетъ на вѣрномъ конѣ.

Изъ темнаго лѣса, на встрѣчу ему,
Идеть вдохновенный кудесникъ,

*) Отецъ А. С. Пушкина, Сергій Львовичъ, происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, нелужкаго свою родословную еще съ XIII столѣтія. Жена его, Надежда Осиповна, была родной внучка известнаго „арана Петра Великаго“, Абраха Петровича Галкибала, посвященнаго самимъ преобразителемъ Россіи. У бабушки, Маріи Алексеевны Галкибалы, Пушкинъ находилъ и ласку, и приютъ: она научила его читать и писать по-русски.

Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтъ грядущаго вѣстника,
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій весь вѣкъ.
И къ мудрому старцу подѣхалъ Олегъ.

Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
Что сбудется въ жизни со мною?
И скоро ль, на радость соѣдей-враговъ,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:
Въ награду любого возьмешь ты коня.

«Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
А княжеский даръ имъ не нуженъ;
Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщий языкъ
И съ волей небесною друженъ.
Грядущіе годы таютъ во мглѣ;
Но вижу твой жребій на свѣтломъ чelѣ.

«Запомни же иныѣ ты слово мое:
Воителю слава — отрада;
Побѣдой прославлено имя твое;
Твой щитъ на вратахъ Цареграда,
И волны, и суши покорны тебѣ;
Завидуетъ недругъ столь дивной судьбы.

«И синяго моря обманчивый валь
Въ часы роковой испогоды,
И праща, и стрѣла, и лукавый книжалъ
Щадить побѣдителя годы...
Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ;
Незримый хранитель могущему дашь.

«Твой конь не боится опасныхъ трудовъ,
Онъ, чуя господскую волю,
То смирилъ стоять подъ стрѣлами враговъ,
То мчится по бранному полю,
И холодъ, и сѣча ему ничего:
Но примѣшь ты смерть отъ коня своего».

Олегъ усмѣхнулся; однако чело
И взоръ омрачилися думой.
Въ молчаніи, рукой опершись на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмый;
И вѣрного друга прощальной рукой
И гладить, и трепетать по шеѣ крутой.

«Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга,
Разстаться настало намъ времени:
Теперь отдыхай; ужъ не*ступитъ нога
Въ твое изолащенное стремя.
Прощай, утѣшайся, да помни меня.
Вы, отроки-други, возьмите коня!

Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ;
Въ мой лугъ подъ устцы отведите;
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
Водой ключевою поинте*.
И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
А князю другого коня подвели.

Ширеутъ съ дружиною вѣцій Олегъ
При звонѣ веселомъ стакана.
И кудри ихъ блѣда, какъ утренний снѣгъ
Надъ славной главою кургана...
Они поминаютъ минувшиѣ дни
И битвы, гдѣ вмѣсть рубились они.

«А гдѣ мой товарищъ, промолвилъ Олегъ:
Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
Здоровъ ли? Все также лъ легокъ его бѣгъ?
Все тотъ же лъ онъ бурный, яривый?,
И внемлеть отвѣту: на холмѣ крутомъ.
Давно ужъ почилъ непробуднимъ онъ сномъ.

Могучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ: «что же гаданье?
Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ!
Презрѣть бы твое предсказанье!
Мой конь и донынѣ носиль бы меня».
И想要 увидѣть онъ пости коня.

Вотъ єдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Ігорь и старые гости,
И видать, на холмѣ, у брега Даїира,
Лежать благородныя кости;
Ихъ мокрь дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.

Князь тихо на черепъ кочя наступалъ
И колвила: «сии, другъ одинокій!
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ:
На тризинѣ, уже недалекой,
Не ты подъ сѣкирой ковыль обагриши
И жаркою кровью мой прахъ напоишь!

«Такъ вотъ гдѣ таиласъ погибель моя!
Мнѣ смертю кость угрожала!»
Изъ мертвай главы гробовая змѣя,
Шипя, между тѣмъ выползла;
Какъ черная лента вокругъ ногъ обвилась:
И вскрикнула внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые заплыть шипать.
На трезубъ платевной Олега:
Киевъ Игорь и Ольга на холмѣ сидать;
Дружина пируетъ у брега;
Бойцы поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

1822 г.

Народъ чтить и любить Петра Великаго, царя-богатыря, славу и гордость Россіи: и Пушкинъ, богатырь-поэтъ, нигдѣ не является ни столько высокимъ, ни столько национальнымъ поэтомъ, какъ въ тѣхъ вдохновленныхъ произведеніяхъ, которымъ онъ обязанъ великому имени. Но въ то же время изъ произведеній поэта мы узнали о Петрѣ Великомъ болѣе, чѣмъ даже изъ всей исторіи о немъ. Кромѣ простоты и величія изъ мысляхъ, въ чувствахъ и выраженіяхъ, есть что-то русскное, народное въ самомъ тоинѣ и складѣ этихъ пьесъ. «Кто изъ образованныхъ русскихъ (если онъ только; дѣйствительно, русскій), говорить Бѣлинскій «не знаетъ превосходной пьесы, носящей скромное и незначительное название «Стансы». Эта пьеса драгоценна русскому сердцу въ двухъ отношеніяхъ: въ ней, словно изваянныи, является колossalный образъ Петра; въ связи съ нимъ находимъ въ ней поэтическое пророчество... Какъ глубоко знаменательныи, какъ возвышенно благородныи эти простыи житейскія слова: «плотникъ» и «работникъ»!

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ болзни:

Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мятежи и казни.
Но правдой силь привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйного стрѣльца
Предъ нимъ отличенъ Долгорукой.

Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Семейнымъ сходствомъ будь же гордъ*),
Во всемъ будь прращу подобенъ:
Какъ онъ, неутомимъ и твердъ,
И памятью, какъ онъ, незлобенъ.

(1826 г.)

Стихотвореніе «Пиръ Петра Великаго» Бѣлинскій отнесъ къ числу тѣхъ произведеній, посвященныхъ памяти Петра Великаго, которыхъ отличаются присутствиемъ глубокой и яркой мысли и вмѣстѣ съ тѣмъ национального чувства. Бѣлинскій называлъ ихъ «перлами поэзіи Пушкина». «Кому не известна», писалъ онъ, «превосходная пьеса Пушкина: «Пиръ Петра Великаго». Это—высокое ху-

* Императоръ Николай I, поговоривъ съ часъ съ 26-хѣтнимъ поэтомъ, сказалъ: «Я говорилъ себѣ съ умѣніемъ человѣкомъ въ Россіи». Очевидно, что какъ императоръ, такъ и поэтъ, во многомъ сходились во взглядѣ на свою родину.

дожественное произведение, и въ то же время—
народная пѣсня». Одинъ Пушкинъ такъ задушевно
могъ оцѣнить черту русскаго народа—великодушіе,
всепрощеніе въ великой душѣ царя-богатыря.

Надъ Невою рѣзо выются
Флаги пестрые судовъ.
Звучно съ лодокъ раздаются
Пѣсни дружныхъ гребцовъ:
Въ царскомъ домѣ пиръ веселый;
Рѣчъ гостей хмельна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.
Что пируетъ царь великий
Въ Петербургѣ-городкѣ?
Отчего пальба и клики,
И эскадра на рѣкѣ?
Озаренъ ли честью новой
Русскій штыкъ иль русскій флагъ?
Побѣденъ ли шведъ суровый?
Мира ль просить грозный врагъ?
Иль въ отъятый край у шведа
Прибылъ Брантovъ углый ботъ *),
И пошелъ на встрѣчу дѣда
Всей семьи нашъ юный флотъ,
И воинственные внуки
Стали въ строй предъ старикомъ,
И раздался въ честь науки
Пѣсенъ хоръ и пушекъ громъ?
Годовщину ли Полтавы

*) Пётръ Великій издалъ указомъ 2 септ. 1824 г. «ботникъ
изъ 30-ти чиселъ августа для торжествованія новогодне
вводить на воду».

Торжествуетъ государь—
День, какъ жизнь своей державы
Спасъ отъ Карла русскій царь?
Родила ль Екатерина?
Именинница ль она,
Чудотворца исполнила
Чернобрювая жена?

Нѣтъ, онъ съ подданными мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пѣнить съ нимъ одну;
И въ чело его цѣнуетъ,
Свѣтель сердцемъ и лицомъ,
И прощенье торжествуетъ,
Какъ побѣду надъ врагомъ.

Оттого-то шумъ и клики
Въ Петербургѣ-городкѣ,
И пальба, и громъ музыки,
И эскадра на рѣкѣ;
Оттого-то въ часъ веселый
Чаша царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

(1835 г.)

Въ стихотвореніи «Къ тѣлѣ полководца» Пушкинъ является такъ же вѣрнымъ истолкователемъ народного сердца. Стоя передъ гробомъ Михаила Ларионовича Кутузова, погребеннаго въ Казанскомъ соборѣ, каждый русскій подумаетъ то же, что и Пушкинъ.

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшою главой...
Все спить кругомъ; однѣ лампады
Во иракѣ храма золотить
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменья пависшій рядъ.
Подъ ними спить сей властелинъ,
Сей щоль сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стан славной
Екатерининскихъ орловъ.
Въ твоемъ гробу восторгъ живеть!
Онь русскій глашъ намъ издастъ;
Онь намъ твердить о той годинѣ,
Когда народной вѣры глашъ
Воззвать къ святой твоей сѣдинѣ:
«Иди, спасай!» Ты всталь и спасъ...

(1831 г.)

Въ стихотвореніи «Клеветникамъ Россіи», написанномъ по случаю возмущенія въ Польшѣ (1831 г.), когда за границей такъ много клеветали на Россію, Пушкинъ выразилъ народное чувство собственнаго достоинства. Энергическое выраженіе такого чувства, говорить Л. Поливановъ, тѣмъ болѣе поразило всѣхъ, что раздалось среди общества, въ теченіе многихъ лѣтъ пріучавшагося преклоненію предъ иноземцами. Поэты въ этомъ стихотвореніи, дѣйствительно, являются глашатаемъ народного чувства, народной гордости. Чтобы написать такое произведеніе, надо было обладать великимъ и истиннымъ

патріотизмомъ. Полки русскіе, сверкающіе оружиемъ, въ сознаніи поэта не были орудіемъ только одной материальной силы: Пушкинъ, любя человѣчество, предостерегалъ витій народовъ тою огромною нравственной силой, какую хранить въ себѣ русскій народъ. Въ настоящее время всѣ державы сознали, что только Россія, сильная своей вѣрой въ царя, въ свою святую родину, могла заговорить о прекращеніи войны. «Едва ли можно указать, говоритъ Л. Поливановъ, во всей европейской литературѣ болѣе возвышенное произведеніе въ области политической лирики. Для написанія его нуженъ былъ не только патріотъ: нуженъ былъ и великий художникъ, проникнутый тѣмъ чувствомъ мѣры, какимъ обладалъ только Пушкинъ».

О чѣмъ шумите вы, народные витія?
Зачѣмъ анаемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? Волненія Литвы?
Оставьте это споръ славянъ между собою,
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшненный
судбою;
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.

Уже давно между собою
Враждуютъ эти племена;
Не разъ клошилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона.
Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:
Кичливый лахъ, аль вѣрный россъ?
Славянскіе ль ручи солются въ русскомъ
морѣ?
Оно ль иссякнетъ? — Вотъ вопросъ.

Оставьте насть: вы не читали
Сия кровавых скрижали;
Вашъ непонятна, вами чужда
Сия семейная вражда;
Для васъ безмолвны Кремль и Прага,
Безмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага—
И ненавидите вы насть...

За что жъ? отвѣтствуйте: за то ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, подъ кѣмъ дрожали вы?
За то ли, что изъ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ,
И нашей кровью искусили
Европы вольность, честь и миръ?

Вы грозимъ на словахъ—попробуйте на
дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
Не въ силахъ завинтить свой измаильскій
штыкъ?
Иль русского царя уже безсильно слово?
Иль насть съ Европой спорить ново?
Иль русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насть? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной
Болхиды,
Отъ потрысенного Кремля
До стынъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ русская земля?

Такъ высылайте жъ къ намъ, витіи,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто инь въ поляхъ Россіи,
Среди нечуждыхъ имъ гробовъ.

Итакъ Александръ Сергеевичъ замѣцалъ въ
своей божественно-чудесной поэзіи уроки глубокой
привязанности къ своимъ народнымъ учрежденіямъ,
высокой вѣры въ идеаль царя, отмстителя неправ-
дамъ, защитника угнетенныхъ, милосердаго къ на-
дшимъ, уроки любви къ родинѣ. Пушкинъ, посвя-
тившій всю свою жизнь на служеніе родинѣ, пъ
стихотвореніи «Отрокъ», характеризуя Ломоносова,
смотретьъ на задачи поэзіи и вообще науки, какъ
на помощь царямъ, отечеству. Мы должны свято
помнить его уроки: слова гения — «это внутренний
голосъ его народа; его творенія — это объединенные,
 воплощенные въ образы думы и идеи, желанія и
стремленія народной души». Горе тому, кто не по-
слушается голоса народнаго гения!

Прочитавъ письмо отъ государя, Пушкинъ за
два дня до смерти*) сказаъ: «Скажите ему, что жалѣю
о потери жизни, потому что не могу изъявить ему
благодарности, чмо я быъ быъ всеъ съю». Ночью на
28 января, когда Жуковскій приѣхалъ съ новыми
словами утѣшения отъ государя, Пушкинъ поднялъ
руки и сказалъ:

*) Въ февралѣ 1831 года состоялась свадьба Пушкина.
О женѣ его, Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой, начали рас-
пространяться пошлины сиэтки. Произошла драка, (на Коло-
макскомъ шоссе, близъ Черной рѣчки), и Пушкинъ былъ
убитъ кавалергардскимъ офицеромъ, французомъ Дантесомъ,
прежмешемъ голландскаго посланника, барона Геккерена.

— Вотъ какъ я утышена! Скази Государю,
что я желаю ему долгаго царствованія, что я желаю
ему счастія въ его сынѣ, что я желаю ему счастія
въ его Россіи!» *)

Неводь рыбакъ разстилалъ по брегу студе-
наго моря;

Мальчикъ отцу помогалъ. Отрокъ, оставь рыбака!
Мрежи иныхъ тебя ожидаютъ, иныхъ заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощникъ ца-
ряма.

1830 г.

Мнѣ надо кончить. Я чувствую, что взялся за такую работу, для которой нужно не часъ, не два часа, а цѣлые годы ученія. Упомянуть только объ урокахъ признательности къ мѣсту воспитанія, учителямъ, любви къ товарищамъ, и мнѣ, объ урокахъ бодраго и свѣтлаго взгляда на жизнь, терпѣнія среди житейскихъ невзгодъ и любви къ родному языку.

Стихотворенія, посвященные Пушкиннымъ «Годовщинѣ Лицей» (19 октября), исполнены необыкновенной задушевности, искренности и простоты. Въ нихъ онъ вспоминаетъ съ иѣжною любовью отсутствующихъ въ умершихъ товарищахъ, высказываетъ благодарность воспитателамъ, учителямъ:

Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
Всѣмъ честю и мертвымъ, и живымъ,
Къ устамъ поднявъ признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ.

*) Въ три четверти третьаго часа пополудни 29 января 1837 г. поэта не стало. Умеръ онъ въ Петербургѣ, Мейка, № 10.

На послѣднемъ лицейскомъ празднике (1836 г.) Пушкинъ началъ читать стихотвореніе:

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сиять, шумѣть и розами вѣничалася...

но вдругъ засился слезами и не могъ продолжать чтенія. Тоже было поэту не видѣть многихъ изъ своихъ товарищахъ! Какое-то предчувствіе говорило ему, что и съ послѣдними онъ скоро разстанется, разстанется съ познѣю, съ жизнью. А Пушкинъ горячо любилъ своихъ товарищахъ. По выходѣ изъ лицея, онъ пишетъ: «Гдѣ бѣ ни быть я: въ огнѣ ли смертной битвы, при мирныхъ ли брегахъ родинаго ручья, святому братству вѣренъ я!»

Нараду съ письмами отъ различныхъ знаменитостей Пушкинъ хранилъ и письма старой няни своей, Арины Родионовны. Вотъ одно изъ нихъ: «Любезный мой другъ Александръ Сергеевичъ, я получила письмо и деньги, которыя вы мнѣ прислали. За всѣ ваши милости я вамъ всѣмъ сердцемъ благодарна. Вы у меня безпрестанно въ сердцѣ и на умѣ, и только когда засну, забуду васъ. Пріѣзжай, мой ангелъ, къ намъ въ Михайловское — всѣхъ лошадей на дорогу выставлю. Я вѣсль буду ожидать и молить Бога, чтобы Онъ далъ намъ свидѣться. Прощаю, мой батюшка Александръ Сергеевичъ! За Ваше здоровье я просвиришу вынула и молебень отслужила — поживи, дружочекъ, хорошенъко, самому слобится. Я, слава Богу, здоровая. Цѣлую Вамъ ручки и остаюсь Васъ много любящая няня Ваша Арина Родионовна» (1827 г. 6 марта).

Пушкинъ думать о ней, когда, рисуя пирожнику

крестьянъ въ одномъ изъ стихотвореній, заставлять подгуллившаго мужичка вспоминать «Пахомовну»:

Да еще ее поманемъ,—
Сказки сказывать мы станемъ.
Мастерица, вѣдь, была!
И откуда что брала?

Слушай, сватъ: начну первой,
Сказка будеть за тобой...

(1833 г.)

К. А. Тимофеевъ, побывавшій въ селѣ Михайловскомъ въ 1859 г., приводить разговоръ съ пимъ кутера Пушкина о любви поэта къ нянѣ:

— А няню его помнишь? Правда ли, что онъ ее очень любилъ?

— Арину-то Родионовну? Какъ же еще любиль-
то, она у него вотъ тутъ и жила. И онъ все съ
ней, коли дома. Чуть встанетъ утромъ, ужъ и бѣ-
житъ ее гладить: «дорога ли, мама? — онъ ее все
мама называлъ. А она ему, бывало, этакъ нарас-
пѣнь (она, вѣдь, изъ-за Гатчины была у нихъ взята,
съ Суїды, тамъ этакъ вся пѣвкомъ говорять):
— Батюшка ты, за что меня все мамой зовешь, какая
я тебѣ мать? — Разумѣется, ты не мать: не то
мать, что родила, а то, что своимъ молокомъ вскор-
мила». И уже чуть старуха занеможетъ тамъ, что
ли, онъ ужъ все за ней».

Подруга дней моихъ суровыхъ,
Голубка дражлая моя!

Одна въ глухи лѣсовъ сосновыхъ
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты подъ окномъ своей свѣтлицы
Горюешь, будто на часахъ,
И медлить поиниутно спицы
Въ твоихъ наморщенныхъ рукахъ.
Гладишь въ забытыя ворота
На черный отдаленный путь:
Тоска, предчувствія, заботы
Тѣснить твою всесчастно грудь...

(1827 г.).

«Исполнившись Божьею волею», онъ «обходилъ»
своей творческой мыслью «моря и земли», онъ «жегъ»
своими вѣщими глаголомъ сердца людей, и.... на его
пророческомъ пути передъ нимъ оказались преграды:
онъ испыталъ неблагодарность, иензаність, горечь
невѣжественнаго непониманія, и паль, наконецъ,
жертвой клеветы; но, «межъ горестей, заботъ и
треволненій», искалъ и находилъ единственное утѣ-
шеніе въ трудѣ, въ творчествѣ. Ни въ чёмъ, ни
при какихъ обстоятельствахъ, онъ не предавался
отчаянію, а съ терпѣніемъ и надеждою несъ свой
поэтическій крестъ:

Ведѣнію Божію, о Муза, будь послушна!
Обиды не страшись, не требуй и иѣца,
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспаривай глупца!

«Утѣшительную, живую силу испытываетъ всякий,
кто будетъ читать соизданія Пушкина», который ска-
зать:

Если жизнь тебя обманетъ,
Не печалься, не сердись!
Въ день унынія смирись:
День веселъя, иѣръ, настанетъ.
Сердце въ будущемъ живеть;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдетъ;
Что пройдетъ, то будетъ мило *).

Кто любить родину, тотъ любить и родной языкъ. Про степень глупости человѣка русскій народъ говорить: «онъ даже русскаго языка не понимаетъ», простодушно показывая тѣмъ, что только на русскомъ языкѣ можно точно и ясно передать свои мысли, и трудно, даже иностранцу, не понять того, кто говорить на этомъ языкѣ. Пушкинъ далъ намъ «волшебный міръ старинной русской сказки». Онъ еще 16 лѣтъ почувствовалъ богатство и силу русскаго народнаго языка, когда писалъ въ сказкѣ «Бова»:

Но вчера, въ архивахъ рояся,
Отыскаль я книжку славную,
Золотую, презабавную,
Прочиталь — и въ восхищеніи
Про Бову пою царевича.

А въ 1820 году онъ уже читаль Жуковскому свою поэму «Русланъ и Людмила», эту новинку

*) Это стихотвореніе было написано въ 1825 г. и посвящено Е. Н. Вульфу, жившему въ Тригорскомъ, о которомъ упомянуто выше. Въследствіи она вышла замужъ за барона В. А. Бревескаго; съ нею, по преданіямъ, списала Татьяна, героянка романа „Евгений Онѣгінъ“.

изъ міра творчества того времени. Послѣдній подарилъ ему свой портретъ съ надписью: «Ученику-побѣдителю отъ побѣденнаго учителя, въ высокоторжественный день окончанія «Русланъ и Людмила». Въ 1832 г., по выходѣ «Русскихъ сказокъ» Дала, Пушкинъ говорилъ ему: «Сказка — сказкой, а языкъ нашъ самъ по себѣ, и ему-то нигдѣ нельзя дать этого русскаго разодоля, какъ въ сказкѣ... Да иѣть, трудно, нельзя почти! А что за роскошь, что за смысьль, какой толкъ въ каждой поговоркѣ нашей! Что за золото! А не дается въ руки, иѣть!» Гоголь и Тургеневъ находили, что такой языкъ, какъ русскій, могъ быть данъ только великому народу.

Кратко прослѣдивъ, чemu учить насъ Пушкинъ, этотъ «невольникъ чести», иѣвъ остается привести его взглядъ на природу поэта. Въ знаменитомъ стихотвореніи «Поэтъ» Пушкинъ изображаетъ его въ моментъ вдохновенія, въ противоположности съ тѣмъ его состояніемъ, когда вдохновеніе не посѣщає его, «когда онъ малодушно погруженъ въ мелочи жизни». Вдохновеніе, по мнѣнію Пушкина, есть высшее просвѣтленіе поэтической личности, и потому не можетъ быть постояннымъ свойствомъ человѣка. Разрывъ съ измѣнными интересами «ничтожныхъ дѣтей міра», независимость, удаленіе въ одиночество среди природы — вотъ необходимыя условія этого состоянія. Въ моментъ истиннаго творчества личность поэта скрывается, исчезаетъ за чуднымъ, роскошнымъ міромъ его поэтическихъ созданій...

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,

Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онь малодушно погруженъ;
Молчать его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожный онъ.

Но лишь божественный глаголь
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ.
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы;
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонять гордой головы;
Бѣжитъ онъ, дикий и суровый,
И звуковъ, и смятенья полить,
На берега пустынныхъ волить,
Въ широкошумныя дубровы...

1827 г.

Мы видѣли, какъ во многомъ слова Пушкина
были словами пророческими. И самъ о себѣ онъ,
окрыленный неземной силой, сказалъ пророчески:

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный;
Къ нему не заастеть народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Александровскаго столпа.

Нѣть! Весь я не умру! Душа въ замѣтной ларь
Мой прахъ переживетъ и тѣни убѣжитъ —

И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будеть хоть одинъ півть.

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой
И назоветъ меня всяки сущій въ ней языки:
И гордый внукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ
дакій

Тунгузъ, и другъ степей калмыкъ.

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ возвеличилъ я сво-
боду,

И милость къ надшимъ призываѣть.

Всѣльнию Божію, о музѣ, будь послушна,
Обиды не страшишь, не требуя вѣнца;
Хвалу и клевету премъзри равнодушно,
И не оспаривай глупца.

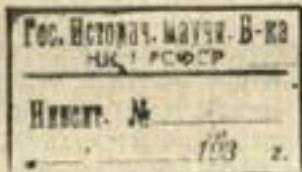
(1836 г.).

Закончу свою рѣчь отрывкомъ изъ стихотворенія
Я. П. Полонского, сказанаго при открытии памят-
ника поэту въ 1880 г. въ Москвѣ, где были про-
изнесены золотыя рѣчи, золото мысли и словъ ...)

Пушкинъ!... Это — эхо славы
Отъ Кавказа до Варшавы,

*) Тогда говорили о Пушкинѣ первымъ сѣтила нашей
литературы — Тургеневѣ, Достоевскому, Островскому, Аксакову
Паскевичу, Майкову, Икону Полонскому.

Отъ Невы до всѣхъ морей...
Это—съятель пустынныи...
Другъ свободы, — непознаныи
Въ лжи и алобѣ нашихъ дней...
Это—гений, все любившій,
Все въ самомъ себѣ вмѣстившій,
Сѣверъ, Западъ и Востокъ...
Это—тотъ «пичтожный міра»,
Что, когда брацала лира,
Жегъ сердца намъ, какъ пророкъ.
Это—врагъ гордыни грозной,
Въ жертву сплетки неотвязной
Сѣтомъ преданный,—враждой
Словно терпіемъ повитый,
Оскорблennyи и убитый
Святотатственной рукой...
Поэтическій мессія,
На Руси—онъ, какъ Россія,
Всеобъеклюющъ и великъ!..

КНИГИ,

СОСТАВЛЕННЫЕ

К. Ф. ПЕТРОВЫМЪ.

1. Энциклопедия, сборникъ статей изъ прозы и стихахъ, для постепеннаго изученія роднаго языка. Въ четырехъ отъѣздахъ. Съ правописаніемъ текста церквино-славянскаго языка. Часть первая. Ц. 40 к. 1888 г. Изд. 8-е. Собственность книгоиздателя А. И. Пападаціи.

2. Русский языкъ, опись практическаго учебника русской грамматики. Синтаксисъ въ образцахъ. Изд. 8-е, исправленное. 1889 г. Ц. 50 к. Въ предыдущихъ изданияхъ рекомендовано Гимназіямъ Управлѣніемъ военно-учебныхъ заведений для фундаментальныхъ библиотекъ народныхъ корпусовъ. Учебнымъ комитетомъ по учреждениямъ Императрицы Маріи, какъ руководство для вновьшаго классовъ институтовъ и женскихъ гимназій. Комитетомъ морскихъ учебныхъ заведений рекомендовано, какъ руководство, для младшихъ классовъ Морского училища, допущено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народного Просвѣщенія для употребленія изъ среднихъ и вновьшыхъ учебныхъ заведеній въ Учебныхъ Комитетахъ при Синтактическомъ Сводѣ, допущеное для употребленія изъ музыкальныхъ и женскихъ спархальныхъ училищахъ.

3. Русский языкъ, опись практическаго учебника русской грамматики. Этимологія въ образцахъ. Изд. 6-е, исправленное. 1888 г. Ц. 50 к. Въ предыдущихъ изданияхъ рекомендовано Гимназіямъ Управлѣніемъ военно-учебныхъ заведений для фундаментальныхъ библиотекъ народныхъ корпусовъ. Учебнымъ Комитетомъ по учреждениямъ Императрицы Маріи, какъ руководство для вновьшаго классовъ институтовъ и женскихъ гимназій. Комитетомъ морскихъ учебныхъ заведений рекомендовано, какъ руководство, для младшихъ классовъ Морского училища, допущено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народного Просвѣщенія для среднихъ и вновьшыхъ учебныхъ заведеній и Учебныхъ Комитетахъ при Синтактическомъ Сводѣ для употребленія изъ музыкальныхъ и женскихъ спархальныхъ училищахъ.

Цена 30 коп.